

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

© 2013 г. В.Г. КУЗНЕЦОВ

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЭРИКА БЮИССЕНСА

Статья посвящена бельгийскому лингвисту Эрику Бюиссенсу (1900–2000), научное творчество которого недостаточно известно в России. Автор рассматривает влияние теории Ф. де Соссюра на становление лингвистической концепции Э. Бюиссенса и анализирует ее основные компоненты: функциональная природа языка, предмет и понятия коммуникативной семиологии, знак, его структура, семиология как методологическая основа описания языка, развитие сосюровской дихотомии языка и речи, выделение дискурса в качестве новой области исследований, членение языка, изучение детской речи. Лингвистическая концепция Э. Бюиссенса рассматривается на фоне и в сопоставлении с современными ему школами и направлениями в лингвистике, а также с позиции современной науки о языке. Оценивается вклад бельгийского ученого в общую лингвистику. Э. Бюиссенс вошел в историю лингвистики как представитель функционального направления, основатель коммуникативной семиологии и теории дискурса.

Ключевые слова: Э. Бюиссенс, функциональная лингвистика, семиотика, язык и речь, дискурс

The present article is devoted to the legacy of the Belgian linguist Eric Buysens (1900–2000), whose works are not known widely enough in Russia. The influence of F. de Saussure's views on the development of E. Buysens' linguistic theory is examined together with the latter's major components: functional nature of language, subject matter and concepts of communicative semiology, sign and its structure, semiology as a methodological base for language description, the development of the Saussurean dichotomy between language (*langue*) and speech (*parole*), stress on the study of discourse as a new field of research, articulation of language, investigation of children's speech. Buysens's linguistic conception is examined against the background of and in comparison with other trends in linguistics of his time as well as from the viewpoint of contemporary linguistics. The contribution of the Belgian scholar to general linguistics is assessed. E. Buysens went down in the history of linguistics as a representative of functionalist trends and the founder of communicative semiology and theory of discourse.

Keywords: E. Buysens, functional linguistics, semiotics, language and speech, discourse

Бельгийский лингвист Эрик Бюиссенс (полное имя Eric Jean Louis Buysens) прожил долгую и плодотворную жизнь. Он родился в Генте в самом начале прошлого века и умер в Брюсселе в начале века настоящего. После окончания гимназии Э. Бюиссенс изучал германскую филологию в Свободном университете Брюсселя. Научную деятельность он начал как филолог. Докторская диссертация Бюиссенса была посвящена творчеству английского поэта XVI в. Эдмунда Спенсера. Пристальный интерес Бюиссенса к природе аллегорий, символов и знаков явился стимулом его переориентации на общую лингвистику и на ее область, которая только что начала складываться, – семиологию. А продолжительная практика преподавания английского языка стимулировала интерес Бюиссенса к разработке вопросов теоретической грамматики этого языка.

Поворотным моментом в научной деятельности Э. Бюиссенса стало знакомство с «Курсом общей лингвистики» Ф. де Соссюра. Положения учения Соссюра оказали существенное влияние как в плане проблематики исследований бельгийского лингвиста, так и в плане их методологии.

В 1943 г. вышла работа Э. Бюиссенса «Языки и дискурс. Опыт функциональной лингвистики с позиции семиологии» [BuysSENS 1943], благодаря которой он стал известен как лингвист-теоретик не только в своей стране, но и за ее пределами. Первым на эту работу откликнулся в своей книге «Прологомены к теории языка», вышедшей в том же году, Л. Ельмслев, назвав ее наиболее полной работой по семиологии [Ельмслев 1960: 362]. С похвалой об этой книге отозвался в своей рецензии ведущий представитель Женевской лингвистической школы А. Сеше. «Работа, которую нам представил г-н Бюиссенс под названием “Языки и дискурс”, т.е. различные знаковые системы и закономерности их функционирования, является, несомненно, первой последовательной попыткой, предпринятой в этом направлении» [Sechehaye 1944: 66].

О международном признании научных заслуг Э. Бюиссенса свидетельствует публикация в 1970 г. сборника статей в честь его юбилея [LC 1970], в котором приняли участие ряд видных лингвистов из разных стран, в том числе из нашей страны О.С. Ахманова. В 1972 г. Э. Бюиссенс был избран членом-корреспондентом Королевской академии наук Бельгии по отделению философии и филологии, в 1984 г. стал действительным членом Академии и в том же году возглавил это отделение.

Э. Бюиссенс принадлежит к функциональному направлению в лингвистике. Ко времени написания его работы понятие функции сложилось не только в лингвистике, но и в философии и логике. В лингвистике лидирующими направлениями были Пражская и Женевская школы. Функциональная точка зрения на язык была сформулирована в качестве программной в «Тезисах Пражского лингвистического кружка». «Являясь продуктом человеческой деятельности, язык вместе с последней обладает целевой направленностью. ... Поэтому к лингвистическому анализу нужно подходить с функциональной точки зрения. С этой точки зрения язык есть система средств выражения, служащая какой-то определенной цели» [ПЛК 1967: 17]. В отличие от телеологической точки зрения на функцию пражцев функционализм Женевской школы (Ш. Балли, А. Сеше, С. Карцевский, А. Фрей, Л. Прието и др.) можно определить в широком смысле как изучение механизма использования языка – семиотической системы – в практике человеческого общения. Для функционализма этой школы характерно стремление вскрыть функционирование языковых форм, их вариативность, взаимодействие разных уровней языка. В 30–40-е гг. XX в. Пражская и Женевская школы были ведущими центрами мировой лингвистической науки. Важную роль в распространении идей функционализма сыграл I-й Международный лингвистический конгресс (Гаага, 1928), синтезировавший положения двух школ, приверженцев «Курса» Ф. де Соссюра. В глоссематике «функция» означает всякое отношение между языковыми единицами. Выступая на 5-м Международном лингвистическом конгрессе в 1939 г. Л. Ельмслев подчеркнул, что «функции являются неотъемлимой и неотделимой принадлежностью структуры». Важную роль функции отводили философы – у Г. Башлара в основе любого научного понятия лежит функция, а в логике (Б. Рассел) ведущее место занимала функциональная пропозиция.

Понятие функции является ключевым в концепции Э. Бюиссенса. Понимая функцию в широком плане, он проводил мысль, что функциональный характер языка заключен в самой его природе как средстве коммуникации. Бюиссенс исследовал не только взаимоотношения языковых элементов, но и отношение лингвистической системы к внеязыковой реальности. Согласно его концепции, функциональная лингвистика должна быть дополнена этиологической лингвистикой, изучающей знаковую систему языка в контексте социальной действительности. Тем самым функционализм его лингвистической концепции близок Женевской школе.

Функциональную лингвистику Э. Бюиссенс рассматривал в свете общей теории знаков – семиологии. Исследователи научного творчества Ф. де Соссюра, лингвисты

Женевской школы Р. Годель и Р. Амакер, выделили в его учении две составляющие: семиологическую и лингвистическую. Семиологической составляющей является изучение языка как системы знаков наряду с другими семиологическими системами. «Кто хочет обнаружить истинную природу языка, – писал Соссюр, – должен прежде всего обратить внимание на то, что в нем есть общего с иными системами того же порядка ... Благодаря этому не только прольется свет на проблемы лингвистики, но, как мы полагаем, при рассмотрении обрядов, обычаев и т. п. как знаков все эти явления также выступят в новом свете, так что явится потребность объединить их все в рамках семиологии и разъяснить их законами этой науки» [Соссюр 1977: 55].

Из последователей Соссюра только Э. Бюиссенс и Л. Прието стремились последовательно развивать семиологическую составляющую учения Ф. де Соссюра. Бюиссенс, как и Соссюр, полагал, что семиология должна служить введением в общую лингвистику. В своей ранней работе Э. Бюиссенс определял семиологию как «науку, изучающую средства, которые мы используем в коммуникативных актах, и средства, при помощи которых мы интерпретируем адресованные нам сообщения» [Buysens 1943: 5]. Таким образом, под семиологией Бюиссенс понимал науку о разных видах коммуникации. Он придавал столь большое значение семиологии, что выделил ее в отдельную первую часть. В рецензии на эту работу Ж. Мунен характеризовал ее как «классическое введение в семиологию» [Mounin 1969: 534].

Т. Себеок называл Э. Бюиссенса первопроходцем в семиологии, одним из ее основателей и разработчиков [Sebeok 1976]. Он отметил, что после публикации «Курса» Соссюра в течение десятилетий лингвисты были преимущественно заняты проблемами, относящимися к внутренней стороне языка, его структуре, практически не уделяя внимания семиологии. Редким исключением в этом плане был Э. Бюиссенс, предпринявший глубокое исследование, имевшее целью сравнение естественного языка с другими знаковыми системами, руководствуясь при этом принципами семиологического анализа, намеченного Соссюром. Т. Себеок характеризовал первую крупную работу Э. Бюиссенса как «хорошо аргументированную, соответствующим образом иллюстрированную, отличающуюся оригинальностью. Эта работа не привлекла должного внимания лингвистов, поскольку она вышла во время Второй мировой войны, между тем она заслуживает внимательного прочтения» [Sebeok 1976: 19].

Бюиссенс пришел к заключению, что с семиологической точки зрения «нет принципиальной разницы между языком и другими знаковыми системами – семиями. Просто акустические возможности естественного языка лучше отвечают потребностям коммуникации» [Buysens 1943: 92]. В упоминавшейся выше рецензии на эту работу А. Сеше с одобрением отнесся к стремлению Бюиссенса развить семиологические идеи Соссюра, но в то же время он возражал против отождествления языка с другими знаковыми системами, поскольку Соссюр так вопрос не ставил, к тому же он определял язык как социальное установление [Sechehaye 1944: 69].

Э. Бюиссенс предложил новые термины для коммуникативной семиологии. Поскольку термин «langage» может означать и простой индекс и естественный язык, он ввел специальный термин для обозначения объекта семиологии – «семия» (*sémie*). Этот термин он применял к любым системам знаков, используемых для коммуникации, начиная от самых сложных – естественных языков – и к таким, как математические и химические знаки, язык жестов ордена траппистов, редакторские знаки, форменная одежда, различного рода звуковые и световые сигналы, выражение вежливости, правила хорошего тона и др. В то же время он не относил к семиям шрифт Брайля и код Морзе, поскольку для их понимания необходимо знать язык тех, кто их использует. Он подразделял семии на внутренние и внешние: использующие естественные, суггестивные знаки, и использующие узуальные, условные и произвольные знаки. Бюиссенс выделял так называемый «язык фактов» (*langue de faits*), проявление которого носит естественный характер. Так, мы можем получать информацию от растений, животных, природных явлений. В лесу, например, некоторые растения указывают на близость источника воды.

Отличительное свойство этих потенциальных источников информации, образно говоря, «отсутствие намерения общаться».

Бюиссенс сравнивал семьи с точки зрения их установления. Дорожная сигнализация устанавливается законодательными органами. Математическая система сложилась на протяжении веков путем негласной договоренности, а также решениями конгрессов. Что касается естественных языков, какая-либо авторитарность отсутствует, за исключением отдельных случаев. Каждая семья имеет свои границы; чтобы выйти за их пределы, надо прибегнуть к другим семьям. Так, ученик, решая у доски математическую задачу, комментирует формулы посредством слов. «Различия, обнаруживаемые в степени членения различных семей, соответствуют различиям социальных ситуаций, в которых используются эти семьи» [Buysens 1970: 54]. Каждая семья используется определенной социальной группой: траппистами, математиками, химиками, военнослужащими, верующими и др. Только дискурс на естественном языке является единственной семьей, обладающей универсальными свойствами. Функциональный подход к исследованию языка помогает отличить коммуникацию от простой манифестации, т.е. отличить семические факты от несемических, что имеет особое значение для изучения языка как особой семиологической системы. Семические факты многообразны и реализуются самыми различными способами и средствами. Первостепенная задача семиологии – установить и обобщить релевантные свойства семических фактов.

Семья состоит из сем – основной единицы семиологии. Под семой Э. Бюиссенс понимал «любое условное средство, конкретная реализация которого – семический акт – обеспечивает коммуникацию» [Buysens 1970: 21]. Таким средством может быть даже условный сигнал свистка. Семы одной и той же семьи реализуются, как правило, одним и тем же способом. Так, математики прибегают к графическим средствам, а трапписты – к жестам. Однако это не является общим правилом. В дорожных знаках, например, используются разные средства: щиты, разметка, световые сигналы.

«Семический акт представляет собой конкретное действие, имеющее целью выразить конкретную коммуникативную установку» [Buysens 1970: 36]. В каждом случае конкретной реализации, т.е. в семическом акте, сема варьируется в больших или меньших пределах (например, фраза, произнесенная разными людьми, с разной интонацией, особенностями произношения и т.д.). Однако абстрагирующая способность сознания помогает нам, выделяя основные функциональные элементы семы, запечатлеть ее идеальный, неварьирующийся образ, который и позволяет идентифицировать сему во всех ее модификациях, например узнавать слово в разном индивидуальном произношении. Этот идеальный образ представляет собой своего рода «общую категорию, приложимую к определенному ряду случаев» [Buysens 1943: 25]. Из этого следует, что предметом семиологии является не семический акт в своей конкретной реальности, а функциональная составляющая этого акта – сема. Поэтому семиолог должен начать с выделения семы, эта процедура представляет собой процесс абстрагирования. В процессе коммуникации, полагал Бюиссенс, коммуникант производит выбор семы, которая соответствует его коммуникативной установке. Необходимое условие успешной коммуникации – способность к абстрагированию и конкретизации. В этом плане он разделял положения теории актуализации Ш. Балли. Но конкретизация содержания высказывания, считал Э. Бюиссенс, практически никогда не бывает полной. Если человек, которого коммуникант хорошо знает, говорит *J'ai mis ma table devant la fenêtre de ma chambre* «Я поставил стол у окна в своей комнате», он хорошо представляет себе его комнату, но не может знать расстояние, отделяющее стол от окна. Другой наглядный пример: коммуникация далеко не всегда имеет дело с конкретными предметами, действиями. Например, в случае арифметических действий ($2 + 3 = 5$) имеет место отвлечение от конкретных предметов. В то же время обращение к конкретным предметам широко практикуется при обучении математике в младших классах. Условный характер сем проявляется на всех уровнях их внутренней иерархии. В случае дискурса условный характер следует приписать синтаксису, словарю, интонации, фонемам.

Таким образом, сема представляет собой широкое, обобщающее понятие, распространяющееся на все средства, которые могут служить целям коммуникации. Сема в этом понимании получила ограниченное распространение – главным образом в работах Ж. Мунена и Л. Прието. Согласно их определению, сема – основная значащая единица коммуникации, имеющая два плана – означающее и означаемое. «Эрик Бюиссенс, Луис Прието, – писал Ю.С. Степанов, – стали определять семиотику как науку о таких объектах, которые служат динамическим целям коммуникации, передачи информации и которые, следовательно, в конечном счете должны содержать в своей организации нечто подобное организации высказываний в языке» [Степанов 1983: 11]. Однако гораздо большее употребление получил термин структурной семантики – сема как минимальная единица означаемого. Например, в слове *отец* выделяется сема «принадлежность к мужскому полу».

Работы Бюиссенса способствовали распространению семиологии во франкоязычных европейских странах. Его концепцию активно пропагандировали А. Мартине во Франции и Л. Прието в Швейцарии. Предметом изучения этой дисциплины являются все виды знаков, используемые для целей коммуникации: дорожные, язык жестов, геральдика, морские и железнодорожные коды и др. Представители коммуникативной семиологии указывали на важность отличия знака / сигнала от индекса / признака. Индекс / признак – и в этом его близость к знаку – есть наблюдаемый факт (индикатор), который передает информацию о другом факте, ненаблюдаемом. Дым, например, указывает на наличие огня. Сходное определение знаков такого рода мы находим у Р. Якобсона, отводившего семиотике центральное место в изучении систем коммуникации. «Среди индексов существует широкий круг знаков, интерпретируемых их получателем, но не имеющих явного отправителя. Животные не оставляют умышленно следов для охотников, но тем не менее эти следы выполняют роль *signantia*, позволяющих охотнику вывести соответствующие *signata*» [Якобсон 1985: 325]. Ч. Пирс называл такие знаки *непреднамеренными индексами*. Последние Якобсон считал разновидностями знаков, но при этом проводил «кардинальное различие между *коммуникацией*, которая имплицитно реального или предполагаемого адресанта, и *информацией*, источник которой нельзя считать адресантом тех знаков, которые интерпретируются их получателем» [Там же]. Сигнал и знак представляют собой искусственные индексы, используемые для передачи информации о другом наблюдаемом факте. Дым лесного пожара – индекс, а дым от костра, зажженного индейцем для оповещения о приближении врага, – сигнал.

Семиологические идеи Э. Бюиссенса получили развитие в работах французского лингвиста Ж. Мунена [Mounin 1959]. Он стремился расширить и конкретизировать классификацию семей, разработанную Бюиссенсом, применительно к неязыковым способам коммуникации. Вслед за Бюиссенсом Мунен классифицирует семьи по трем основаниям: 1) системные и бессистемные, в зависимости от того, составлено ли сообщение из постоянных, определенных знаков (например, дорожная сигнализация) или нет (афиши, реклама, витрины и др.); 2) внутренние (*intrinsèque*) и внешние (*extrinsèque*). В первых существует внутреннее, непосредственное соответствие между значением и формой (ножницы и парики цирюльника, трубка на вывеске табачной лавки), во вторых эта связь не непосредственная (красный крест для медицинских учреждений); 3) непосредственные (прямые) и опосредствованные. В первых от знака непосредственно переходят к значению (звуковая оболочка слова и его смысл), во вторых нужен промежуточный этап (от азбуки Морзе надо идти к значению через фонетическое письмо). По способу информации Мунен делил все семьи на восемь больших классов. Примером могут служить следующие четыре класса: 1) системные, внутренние, непосредственные; 2) системные, внешние, непосредственные; 3) системные, внешние, опосредствованные; 4) бессистемные, внешние, непосредственные.

Хотя Бюиссенс и считал себя соссюрианцем, он стремился переосмыслить и развить основную дихотомию Соссюра – языка и речи, посвятив этому вопросу специальную работу «Шесть соссюровских лингвистик» [Buysens 1942]. Абсурдно утверждать,

по его мнению, как это делал Соссюр, что «язык для нас – это речевая деятельность минус речь», следствием чего является смешение индивидуальной и идеальной системы. Не случайно, статус синтагмы у Соссюра не ясен: является ли она единицей языка или речи. Язык, по мнению Бюиссенса, – это абстракция, возможность которой обусловлена отношениями сходства между элементами речи. Возражал Бюиссенс и против интерпретации фактов синхронии и диахронии, поскольку время воспринимается с двух точек зрения. «Время для Соссюра в случае синхронии – рамка, ограничивающая существование фактов синхронии, а в случае диахронии действует сила, которая то вызывает эволюцию элементов, то способствует обеспечению их устойчивости» [Buysens 1942: 15]. Если принять подобную концепцию, представляется совершенно естественным рассматривать факты синхронии как факты, на которые не распространяется действие времени, а факты диахронии как находящиеся под воздействием времени. Тем самым напрашивается вывод, что время является фактором как устойчивости, так и эволюции элементов. В то же время Бюиссенс безоговорочно принимает учение Соссюра о ценности (значимости) языковых элементов и считает его самым важным в теории Соссюра. Он предлагал разделить лингвистику на две взаимодополняющие дисциплины. Одна изучает отношения между элементами одной и той же системы и должна называться функциональной лингвистикой, другая дисциплина устанавливает связь системы со средой, ее можно назвать этиологической, поскольку она основывается на постулате: любой языковой факт имеет разумное основание.

В более поздней статье Бюиссенс ставит вопрос о разграничении Соссюром языка и речи в связи с другой его дихотомией – синхронией и диахронией [Buysens 1961]. По его мнению, Соссюр смешивал оппозицию языка и речи с оппозицией социальное и индивидуальное, между которыми нет прямого соответствия. В отличие от Соссюра Бюиссенс ставил на первое место речь: «невозможно научиться говорить на языке и, следовательно, изучать его с научной точки зрения, не начиная с речевых манифестаций, являющихся единственными наблюдаемыми данными» [Buysens 1961: 30]. По его мнению, причина, почему Соссюр предлагал исключить речь из синхронических исследований, состояла в том, что Соссюр переносил на изучение языка в синхронии свой опыт занятий исторической и сравнительной грамматикой, которая не проявляла никакого интереса к синтагматике, в том числе и к фразе. Сравнительно-историческая грамматика не занимается реконструкцией фраз в индоевропейских языках. «Мы имеем очень смутное представление об индоевропейском синтаксисе, а стилистику первоначального индоевропейского языка вообще невозможно себе представить» [Buysens 1961: 30]; «занимаясь историческими исследованиями, Соссюр не был подготовлен к изучению фразы, т. е. речи» [Ibid.: 33].

А.А. Уфимцева называет Э. Бюиссенса и Л. Прието основоположниками знаковой теории дискурса [Уфимцева 1990: 168]. В лингвистической литературе распространено мнение, что терминологический смысл слову *дискурс* придал Э. Бенвенист. Однако приоритет в этой области принадлежит Э. Бюиссенсу. Он ввел в научный оборот понятие *дискурса* в результате переосмысления дихотомии языка и речи Ф. де Соссюра, включив в нее третий член: *langue – discours – parole*. Он разделял мнение Соссюра о том, что язык – это система, а речь – деятельность. Под речью Соссюр объединял 1) комбинации, с помощью которых говорящий использует код языка и 2) механизм, позволяющий ему материализовать эти комбинации. Первое Бюиссенс называет дискурсом, а второе – речью. «Дискурс является функциональной составляющей речи» [Buysens 1943: 130]. Они соотносятся как абстрактное и конкретное, инвариант и вариант.

В отличие от Соссюра Бюиссенс считал, что отправным пунктом лингвистических исследований должен быть не язык, а дискурс. *Langue*, согласно Соссюру, и, как его принято определять в лингвистике, не является коммуникативным актом – это система. Не является предметом лингвистики и *parole*. «Только дискурс, являясь одновременно идеальным коммуникативным актом и абстракцией, может быть принят в качестве предмета лингвистики» [Ibid.: 32]. Бюиссенс предложил последовательность лингви-

стических исследований: «Язык (*langue*) может быть познан только через дискурс, а последний – через речь (*parole*)» [Ibid.: 33]. Только в этом случае возможно учитывать вариации, возникающие в процессе функционирования языка. Так например, для выделения фонемы /s/ французского языка надо изучить, каким образом определенное число французов произносят определенное количество слов, содержащих звук s. Задача лингвиста – реконструировать систему, лежащую в основе реализации дискурса – систему, которую называют *langue*. Следует основываться на дискурсивных фактах, из которых абстрагируется система: «Дискурс – альфа и омега лингвистики» [Ibid.: 95]. Таким образом, почти 70 лет назад Э. Бюиссенс выделил дискурс как приоритетную область лингвистических исследований.

В триаде Бюиссенса *langue* – система, некая отвлеченная умственная конструкция, *discours* – комбинации, посредством которых говорящий использует код языка, *parole* – механизм, позволяющий осуществлять эти комбинации (семический акт, по его терминологии). Лингвист всегда имеет дело с конкретными фактами. Он их изучает с целью установить путем абстракции их функциональную составляющую. Таким образом, в основе выделения дискурса лежит соотношение в языке абстрактного и конкретного.

Поскольку понятие функции является ключевым в лингвистической концепции Бюиссенса, он переносил это понятие и на свое учение о дискурсе, определяя его как функциональную часть речи. Он предлагал называть дискурсом то, что позволяет соединить язык как систему и речь как деятельность, но при этом дискурс конкретнее и уже языка в его целостности. Предложенный Бюиссенсом подход позволяет различать три определения дискурса: два взаимодополняющих и один интегрирующий. Во-первых, дискурс может пониматься как продукт речевой деятельности в реальном времени, значимый для участвующих в этой деятельности коммуникантов. Во-вторых, дискурс можно определить как программу, систему правил порождения и интерпретации сообщений. В-третьих, понятие дискурса может быть соотнесено со способностями и творческими усилиями людей по созданию и пониманию сообщений, отражающих бесконечное разнообразие реальной действительности. Такое определение дискурса сближается с понятием дискурсивной компетенции – способности заключить мысль в формальные рамки языка. Понятие дискурса в концепции Бюиссенса можно истолковывать как процесс, предполагающий систему для своего осуществления, что в целом соответствует подходу, разрабатывавшемуся в дальнейшем во французской лингвистике (особенно учение о высказывании vs. акт высказывания).

Следует отметить, что попытки Бюиссенса «ревидии» ряда положений учения Соссюра вызывали довольно резкую критику со стороны представителей Женевской школы, которые из всех последователей Соссюра оставались наиболее верными его принципам.

Показательным в этом отношении является красноречивое название статьи другого выдающегося представителя этой школы А. Фрея «Соссюр против Соссюра?» [Фрей 2006], в которой он полемизирует с Бюиссенсом по поводу трактовки соотношения в языке различий и тождеств в «Курсе» Соссюра. По мнению Фрея, Бюиссенс «подменяет дифференциалистскую теорию синхронического тождества Соссюра субстанционалистской и банальной концепцией» [Там же: 73]. В ответной статье также с красноречивым названием «Догма или свободное толкование?»¹ Бюиссенс подчеркивает, что его целью было не отвергнуть учение Соссюра, а уточнить соотношение различий и тождеств в языке, которое в «Курсе» не достаточно эксплицитно. По его мнению, не всегда в полной мере принимают во внимание важное высказывание Соссюра о том, что

¹ Это название можно понимать в том смысле, что учение Соссюра не является догмой и допускает собственное понимание, толкование содержащихся в нем положений и идей. Об этом свидетельствуют также следующие слова Бюиссенса: «г-н Фрей верит в непогрешимость идей Учителя, я же сторонник их свободного толкования» [Buysens 1952: 48] и особенно следующие: «настоящий ученик не тот, кто с благоговением повторяет наставления Учителя, а тот, кто продолжает его дело» [Ibid.: 50].

весь механизм языка зиждется исключительно на тождествах и различиях, причем эти последние являются лишь оборотной стороной первых. Здесь Бюиссенс, несомненно, прав, поскольку с философской точки зрения само отождествление отдельных предметов требует их предварительного отличия от других предметов. В этой статье Бюиссенс использует понятие тождества применительно к фонологии. В отличие от Трубецкого Бюиссенс считал, что фонемы различают не означаемые, а означающие. В то же время он полагал, что его понимание фонемы не противоречит понятию релевантного признака: «оно его только изменяет, поскольку отсутствует прямая связь между фонемами и означаемыми, эта связь осуществляется опосредствованно через означающее. Фонемы служат для различения означающих, а те, в свою очередь, служат для противопоставления означаемых» [Buysens 1949: 53].

Э. Бюиссенс подходил к определению дискурса одновременно с функциональной и семиологической точек зрения. Дискурс – семиотический процесс, дискурсивная практика во всем ее многообразии, использующая языковые и неязыковые средства. В самом дискурсе, отмечал он, можно наблюдать сочетание условных знаков, индексов и иконических знаков; произнесение слов (условные знаки) может сопровождаться вздохами (индексы), а порядок слов напоминать последовательность сообщаемых событий (иконические знаки). Линейный характер дискурса не является строгим. Так, в дорожной сигнализации знаки комбинируются в пространстве.

Подход к дискурсу как процессу семиозиса был продолжен и дополнен последователем Э. Бюиссенса, выдающимся представителем Женевской лингвистической школы Л. Прието. Вслед за Бюиссенсом Прието называет семой означаемое и соответствующее ему означающее, общие всем сигналам, которые их образуют [Prieto 1975]. Сема – совокупность общих черт тождественных высказываний. Таким образом, понятие семы близко понятиям модели, схемы, парадигмы. Так же как и сосюрровский знак, сема является двусторонней фундаментальной единицей любого кода.

Учение Э. Бюиссенса и Л. Прието о знаковом характере дискурса можно рассматривать как переориентацию от языковой референции к речевой. Прието трансформирует языковой треугольник Огдена–Ричардса в речевой, коммуникативный. В отличие от Огдена и Ричардса, у которых в качестве основной знаковой единицы фигурирует слово, для Прието таковым является высказывание. «Референт, в отличие от денотата и сигнификата, – писал С.Д. Кацнельсон, – относится не к имени как дискретной единице языка, а к имени в речи, точнее говоря, к имени в составе предложения» [Кацнельсон 2001: 394].

Только семиологический подход, полагал Бюиссенс, дает возможность определить с научной точки зрения объект лингвистики. Поскольку последняя является частью семиологии, ее предметом должен быть семический факт, акт коммуникации с помощью любых средств. В понимании языка как семиотической системы и широком определении знака Э. Бюиссенс и Л. Прието сближаются с Р. Jakobson. «Язык служит примером чисто семиотической системы. Все языковые явления – от мельчайших единиц языка до целых высказываний или обмена высказываниями – всегда функционируют как знаки, и только как знаки» [Jakobson 1985: 325]. Л. Ельмслев стремился показать, что величина единиц манифестации не существенна для определения знака, иначе говоря, наряду с минимальными знаками, за которые чаще всего принимают слова, можно говорить о знаках-высказываниях или знаках-дискурсах. Следует заметить, что слабая сторона учения Э. Бюиссенса и Л. Прието о знаковом характере дискурса в том, что явление семиозиса ограничивается высказыванием, дискурсивные единицы большей длины практически не рассматриваются. В то же время разработанный ими оригинальный подход к дискурсу естественного языка как семиотического явления может оказаться плодотворным для разработки знаковой теории дискурса. Разрабатываются семиотические характеристики отдельных видов дискурса. Так, разрабатывается концепция, согласно которой политический дискурс представляет собой своеобразную знаковую систему, в которой происходит модификация семантики и функций языковых единиц разных типов, а также речевых стратегий [Шейгал 2000].

Э. Бюиссенс придавал столь большое значение вопросу языкового членения, что назвал свою вторую работу «Коммуникация и языковое членение». Сама идея языкового членения восходит к Ф. де Соссюру. Это понятие разрабатывал также Л. Ельмслев, а позднее А. Мартине. Э. Бюиссенс предложил так называемое «интегральное членение», соответствующее значимым единицам, которое он распространял на все языковые единицы – от монемы до фразы. Формальное членение соответствует незначимым единицам, к которым он относил единицы от релевантных признаков до просодии. Для анализа фонем по релевантным признакам он использовал термин «продольный» (*longitudinal*), поскольку эти признаки не являются последовательными сегментами, они одновременны.

Э. Бюиссенс, подобно американским лингвистам, не использовал термин «синтагма», но уделял большое внимание разработке понятия монемы. Критерий выделения монемы – ее функция в языковом членении. По его определению, монема – «наименьший сегмент, означающее и означаемое которого могут быть одновременно общими для двух слов, в остальном несхожих, либо могут противопоставлять два слова, в остальном схожих» [Buysens 1970: 113]. Так, если сравнить франц. *coupe-file*, с одной стороны, с франц. *coupe-papier*, а с другой, – с франц. *serre-file*, можно заметить, что каждая составная часть франц. *coupe-file* может быть заменена другой, что приводит к изменению общего значения. Между элементами словосочетания *coupe-file* нельзя вставить дополнительные слова. Напротив, во фразе *Avec cette carte on coupe toute file* вставка дополнительного слова между *coupe* и *file* вполне возможна. Означающие *coupe* и *file* в одном случае две монемы, составляющие одно слово, в другом – два разных слова. Таким образом, в качестве критерия членения на монемы у Бюиссенса выступает функция.

А. Фрей писал, что Бюиссенс «наделял знак смыслом монемы» [Фрей 2006: 179]. Однако это не совсем так, поскольку знак и монема относятся к разным планам, это явления разного порядка. Монема относится к членению дискурса, это дискурсивная единица. Знак же – общесемиотическое понятие. Бюиссенс проводил различие между монемой и словом. Слово принадлежит синтаксическому уровню и является наименьшей единицей этого уровня. Монема относится к более низкому семантическому уровню, являясь его наименьшим сегментом. Бюиссенс возражал против выделения нулевой монемы, называя его заблуждением, которое объясняется стремлением установить регулярность там, где ее нет [Buysens 1970: 131].

Помимо вклада Э. Бюиссенса в семиологию, дихотомию языка и речи, синхронию и диахронию, теорию языковых уровней, его научная заслуга также в том, что он был одним из основоположников изучения детской речи. К этому предмету он подходил с семиотической точки зрения. Бюиссенс ставил вопрос: каким образом нерасчлененные звуковые сигналы, которыми начинает общаться ребенок, преобразуются в артикулируемые языковые знаки? Тем самым он считал членение неотъемлемым и необходимым свойством человеческого языка. Бюиссенс проводил различие между усвоением языка в онтогенезе и филогенезе, которое делали не все лингвисты. Для первобытного человека, писал Бюиссенс, «изобретение знака представляло собой психологическую революцию» [Buysens 1957: 435]. При усвоении языка ребенком имеет место постепенное овладение системой знаков, все большим и большим сближением с этой системой у взрослых. В то же время некоторые ученые полагают, что изучение усвоения языка ребенком может в определенной степени пролить свет на филогенез – возникновение человеческой речи. Занимался Бюиссенс и частными вопросами английской грамматики. По свидетельству Э. Уленбека, Бюиссенс внес значительный вклад в изучение наречий английского языка. Э. Бюиссенс исследовал также формы *continuous* в английском языке, считаемые некоторыми учеными аспектуальными.

Итак, лингвистическую концепцию Э. Бюиссенса можно по праву рассматривать как практическую реализацию завета Ф. де Соссюра, касающегося расширения области семиологических исследований – с естественного языка на другие знаковые системы коммуникации. Он разработал семиологическую основу в качестве методологии

описания языка. Э. Бюиссенса можно считать предтечей таких компонентов современной когнитивно-дискурсивной парадигмы, как междисциплинарные связи науки о языке, стремление к синтезу и интеграции научного знания о языке, сочетание когнитивно-дискурсивного подхода с коммуникативно-функциональным. Он заложил основы знаковой теории дискурса, разработав синтактику и прагматику языка как семиологической системы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ельмслев 1960 – Л. Ельмслев. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. Вып. I. М., 1960.
- Кацнельсон 2001 – С.Д. Кацнельсон. Категории языка и мышления: Из научного наследия. М., 2001.
- ПЛК 1967 – Пражский лингвистический кружок. М., 1967.
- Соссюр 1977 – Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики // Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию. М., 1977.
- Степанов 1983 – Ю.С. Степанов. В мире семиотики. Вступительная статья // Семиотика. М., 1983.
- Уфимцева 1990 – А.А. Уфимцева. Знаковые теории языка // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Фрей 2006 – А. Фрей. Соссюр против Соссюра? М., 2006.
- Шейгал 2000 – Е.И. Шейгал. Семиотика политического дискурса: Дис. ... докт. филол. наук. Волгоград, 2000.
- Якобсон 1985 – Р. Якобсон. Избранные работы. М., 1985.
- Buyssens 1942 – E. Buyssens. Les six linguistiques de F. de Saussure // Revue des langues vivantes. 1942. № 7.
- Buyssens 1943 – E. Buyssens. Les langages et le discours. Essai de linguistique fonctionnelle dans le cadre de la sémiologie. Bruxelles, 1943.
- Buyssens 1949 – E. Buyssens. Mise au point de quelques notions fondamentales de la phonologie // Cahiers Ferdinand de Saussure (CFS). 1949. № 8.
- Buyssens 1952 – E. Buyssens. Dogme ou libre examen? // CFS. 1952. № 10.
- Buyssens 1957 – E. Buyssens. Development of speech in mankind // L. Keiser (ed.). Manual of phonetics. Amsterdam, 1957.
- Buyssens 1961 – E. Buyssens. Origine de la linguistique synchronique de Saussure // CFS. 1961. № 18.
- Buyssens 1970 – E. Buyssens. La communication et l'articulation linguistique. Bruxelles, 1970.
- LC 1970 – Linguistique contemporaine. Hommage à E. Buyssens. Bruxelles, 1970.
- Mounin 1959 – G. Mounin. Les systèmes de communication non-linguistique et leur place dans la vie du XX-e siècle // BSLP. 1959. V. 54.
- Mounin 1969 – G. Mounin. [Рец. на:] E. Buyssens. La communication et l'articulation linguistique // Revue belge de philologie et d'histoire. 1969. V. 47. № 2.
- Prieto 1975 – L. Prieto. Études de linguistique et de sémiologie générale. Genève, 1975.
- Sebeok 1976 – T. Sebeok. Contributions to the doctrine of signs. Bloomington, 1976.
- Sechehaye 1944 – A. Sechehaye. [Рец. на:] E. Buyssens. Les six linguistiques de F. de Saussure; E. Buyssens. Les langages et le discours. Essai de linguistique fonctionnelle dans le cadre de la sémiologie // CFS. 1944. № 4.

Сведения об авторе:

Валерий Георгиевич Кузнецов

Московский государственный лингвистический университет

vgk.avamo@mail.ru